

ПЕТЕР ФОН ХАЙДЕБРЕК

МЫ — ВЕРВОЛЬФЫ, ВОЛЧЬЯ СТРАЖА

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 94(430)"1914/1918"(092)
ББК 63.3(4Гер)6—8
Х12

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Андрей Васильченко.

Хайдебрек, П.

Х12 Мы — вервольфы, волчья стража. — М.: Тотенбург, 2025. — 258 с.

Запрещенные в Германии в годы гитлеровской диктатуры мемуары одного из лидеров национал-революционного движения, однорукого армейского капитана Петера фон Хайдебрека, без суда и следствия убитого нацистами летом 1934 года во время кровавой акции устрашения, также известной как «Ночь длинных ножей». Читая, чувствуется легко и иногда напоминающие приключенческий роман воспоминания офицера-фронтовика являются наглядной иллюстрацией, позволяющей объективно оценить крах немецкого общества, его поляризацию, неуклонно растущие радикальные настроения.

Книга, пропитанная как чувством собственного достоинства, так и скрытой яростью, приправлена «ностальгией по ушедшей эпохе», что точно передает суть внутреннего кризиса, охватившего Веймарскую республику. Это отражено в удивительном сочетании высокопарности, солдатской простоты, политического жаргона и язвительной иронии, которые в итоге были помножены на мифологию ожесточения и мессианскую уверенность.

Яркий, эмоционально и идеологически заряженный текст сочетается с суровой ритмичкой разбойничьей баллады и брутальной романтикой. В 1989 году мемуары стали сценарной основой для германского фильма «Паучья сеть», в котором главную роль исполнил легендарный актер Клаус Мария Брандауэр.

УДК 94(430)"1914/1918"(092)
ББК 63.3(4Гер)6—8

© Андрей Васильченко,
перевод с немецкого, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЕ	7
МАРШ	32
ИСТОРИЯ ЕФРЕЙТОРА ЭРНСТА РИХТЕРА	63

МОЙ ФРАЙКОР

«СОБИРАНИЕ»	95
ВЫДВИЖЕНИЕ	105
«ПРЕДАННЫЕ»	133
МЫ — ВЕРВОЛЬФЫ, ВОЛЧЬЯ СТРАЖА	147
РЕШИТЕЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО	158
СВЯЩЕННАЯ ВЕСНА	167
В ТОТ ДЕНЬ	184
В ТЮРЬМЕ	202
ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ	212
ВРЕМЯ СОЗРЕВАНИЯ	220
ОХОТА ЗАВЕРШЕНА	249
ПОСЛЕСЛОВИЕ	253

*Данная книга принадлежит мужам —
моим волкам, — что в годину лихолетий
сражались за Германию, и всем тем,
кому предстоит за нее сражаться.*

РАЗМЫШЛЕНИЕ

«Петер, полагаю, ты примкнул к рядам малодушных!» — говаривал мне отец, подтрунивая, когда я, будучи мальчишкой, возвращался домой без синяков и ссадин. Возражения были тщетны: мне надлежало немедленно отправиться на поиски стычки с мальчишкой как минимум равной силы. Ибо я превыше всего дорожил уважением моего отца. При всей своей неизменной доброте, в стенах дома он был подлинным стратегом, правя нами со всей строгостью, взращивая в страхе Божьем и верности Кайзеру, в простоте и правдивости и наряду с сими рыцарскими добродетелями прививая иные, дабы закалить нашу плоть.

Явление он был поразительное: статный, элегантный, остроумный, истинный кавалер и дворянин, старопруссак — суровый и простой. С первого дня войны он был солдатом на передовой, а в 1916-м возвратился в отчий дом с тяжким недугом сердца, что и свел его в могилу в 1917-м.

На дубовом кресте его могилы начертано: «Здесь покоится в Боге верный слуга своего Кайзера и Отечества, Отто фон Хайдебрек, генерал-майор». Таков был мой отец. Матушка же частенько лишь качала головой, когда отец находил забаву в моих буйных проделках. Впрочем, и она, как правило, не чинила препон моим авантюрам и не роптала, коль я являлся домой в изодранной и выпачканной одежде. Ее заботой было лишь устроить мне затем основательную чистку — необходимость которой я отроду не мог постичь вполне, а посему она требовала неусыпного надзора. Когда же сама она не могла присутствовать, то наставляла моих сестер: «Дети, смотрите в оба, дабы Петер умылся как подобает». Эта фраза стала кры-

латой в нашей детской. Мы, трое детей, были безмерно привязаны к матери и по сию пору тщимся — тщетно — превзойти друг друга в борьбе за главное место в ее сердце. Часы, когда она рассказывала нам о жизни Христа, читала сказки или распевала с нами народные песни, суть одни из ярчайших воспоминаний моего детства.

Лишь в одном пункте я был с нею крайне не согласен: это была ее настоятельная потребность заставить меня носить зимой пальто. Я почитал сие требование унижительным для моего достоинства, проявлением изнеженности, за кою мне было совестно перед моими небогатыми друзьями, пальто не имевшими.

Помимо данной малой заботы, отягощавшей мой дух лишь в зимнюю пору, существовала и другая, куда более суровая: школа. Сей институт я ненавидел и презирал. Мои табели были тому соответственным свидетельством. Да, они, в конечном счете, стали столь скверны, что родители мои объявили мне однажды: «Коль так пойдет и дальше, тебе придется покинуть отчий дом, и мы определим тебя в кадетский корпус». Это была музыка для моих ушей, ибо не было ничего желаннее для меня, нежели облечься в королевский мундир. Я верил, что вместе с униформой я в одночасье стану солдатом и мужем. Успехи мои немедля стали хуже, и уже следующей весной я был зачислен в Кадетское училище в Кеслине.

Кеслин был городом моего рождения; здесь я узрел свет мира двенадцать с половиной лет назад. В нескольких километрах от него, в округе, располагался Парнов, родовое поместье. Принадлежавшее нашему роду без малого 600 лет, оно последним владением отошло моему деду. История города и земли Кеслин с незапамятных времен тесно переплетена с историей нашего рода. Семейство моих предков за последние два столетия управляли округом в качестве ландратов. По величественным лесам Голленберга, у самого подножия коего и располагалось

Кадетское училище, рыскали мои праотцы, будучи рыцарями-разбойниками. Так, 13 декабря 1388 года двое членов нашей семьи, Викке и Бернхард фон Хайдебреки из Парнова, напали в лесах под Цановом на герцога Вильгельма Гельдернского, следовавшего в земли Тевтонского ордена в Пруссии, ограбили его и, заковав в кандалы, препроводили в Фалькенбург в Ноймарке. Наша семейная хроника именует данное предприятие злодеянием, но, вознося Хвалу Господу и учитывая нравы того времени, добавляет: «Обычным негодованием по поводу благородных разбойничьих рыцарей сии и подобные им явления не исчерпать. Мужи, в чьих жилах течет жажда к ратному делу и авантюрам, были во все времена и, будем надеяться, пребудут в Германии вовек. Коль их необузданная сила не может послужить на благо страны, они дичают».

Я всегда полагал и, вопреки всем благодеяниям Лиги Наций, по сию пору остаюсь при мнении, что рыцари-разбойники были людьми воистину замечательными. Я горд сознавать, что в моих жилах течет такая кровь. Да, это несколько немодно. В кадетском корпусе я обрел многое из того, о чем мечтал, и многое оказалось иным. Так или иначе, я вскоре освоился и одолел тоску по дому быстрее многих моих товарищей. Жизнь там была, даже по меркам того времени, спартански суровой, а для нынешних представлений и вовсе непостижимой. Особенно «кабанятам», или «мешкам», как нарекали новичков, приходилось несладко. Они обязаны были прислуживать старшим кадетам, собирать в свободное время теннисные мячи или, в зимнюю пору, часами напролет таскать на санках по двору их замшелые тушки. В иллюстрацию — малый пример.

Мой второй староста по комнате был долговязым юнцом лет пятнадцати по прозвищу «Сова». Он величал меня не иначе как «свинья» и «старая курица». Попутно он учинял мне трижды в день «укрепление мускулов» —

удары по мышцам слегка отведенной назад руки. Смотря по его настроению и по тому, как я справлялся со своими «мешковатыми» обязанностями, «укрепления» были легче или тяжелее, наносились кулаком или головкой сапожной колодки. По большей части они были легкими, ибо Сова поступал так исключительно из благих побуждений. По крайней мере, он всякий раз уверял меня в сем словами: «А ведь ты, свинья, еще поблаговаришь меня потом, что я сделал из тебя лихого парня». Должен признать, его воспитание не пошло мне во вред.

Впрочем, он был ко мне по-своему добр и оберегал от притеснений со стороны других. Ненавидел я в нем лишь одно — его ящериц, коих он выращивал в стеклянной банке. Мне вменялось в обязанность снабжать сих тварей пропитанием. Однажды он обнаружил в сосуде мертвую муху и в гневе устроил мне допрос: «Неужели ты, старая курица, возомнил, что мои благородные ящерицы станут есть твоих неблагородных мух?!» Последующие две недели я провел, выжывая мух во всех мыслимых и немыслимых местах, ибо в наказание за мою неспособность я должен был предъявлять Сове каждый день упакованных в спичечные коробки 30 мух живых, а в искупление нанесенного его ящерицам оскорбления — еще дополнительно 30 мух мертвых.

С переводом в унтер-секунду, старший класс, была связана передислокация в Главное кадетское училище в Гросс-Лихтерфельде. Ты вновь становился «мешком» и должен был прислуживать унтер-офицерам. И это было правильно. После последнего года в подготовительном корпусе, с авторитетом старого кадета и полномочиями комнатного старосты, настала пора вновь учиться повиноваться, дабы впоследствии обрести право повелевать. Ибо таков был смысл сей спартанской системы воспитания: прусский кадетский корпус был школой вождей, лучше которой и не придумать. Тот, кто вырос в военной

дисциплине, имея в течение долгих лет юности возможность критически наблюдать за своими начальниками, впоследствии сумеет избежать тех ошибок, от которых сам некогда страдал. То, чему выпускнику обычной школы, фанен-юнкеру, еще предстояло научиться, кадет приносил в армию уже готовым. Он имел понимание радостей и тягот своих подчиненных и мог чувствовать с ними заодно. Одно из важнейших качеств для вождя, ибо оно обеспечивает ему доверие его свиты.

В Главном кадетском училище мы уже в куда большей степени были солдатами. Мы носили при униформе палаши и много упражнялись с оружием. Как часть Гвардейского корпуса мы маршировали на больших весенних и осенних парадах на поле Темпельхофа мимо «Е. В.» — как величали Его Величество Кайзера его солдаты. На последний год пришлась богатая воспоминаниями пора службы пажом при императорском дворе. Затем я, еще восемнадцатилетний, был произведен в офицеры армии. Выше поручика человеку не подняться! С сими чувствами я явился к своему новому командиру, будучи по Высочайшему повелению переведен во 2-й Силезский егерский батальон. Гарнизон был Эльс с его знаменитым замком, принадлежавшим Его Императорскому Высочеству кронпринцу — малый городок близ Бреслау, окруженный великолепнейшими охотничьими угодьями.

Егеря принадлежали к числу так называемых феодальных частей. Указанный факт был предметом гордого сознания не только офицеров, но и каждого обер-егеря и егеря, да и всего населения городка. Батальон был тесно связан с особой кронпринца, своего будущего шефа. Началось прекраснейшее время моей жизни, долгий, страстно желаемый сон суровой кадетской юности свершился: я был офицером! Со всей беззаботностью моих восемнадцати лет я ринулся в жизнь, вкушая ее полной мерой, верхом и на охоте, в танцах и поцелуях. Я был сведущ

во всех четырех седлах. В седло всадника меня некогда посадил отец; двенадцати лет отроду он отдал меня в школу сурового вахмистра улан. Егерем же меня сделал мой любимый дядя. В его угодьях Барзлин и Недлин, что неподалеку от Кеслина, я, еще будучи юным кадетом, научился травить оленя по всем правилам. Моим же первым учителем танцев была наша старая кухарка Мария. Под ее руководством мы с сестрой, будучи еще детьми, отплясывали в кухне с дворовыми парнями и служанками краковяк — дикий национальный танец поляков; не ведая, какие куда более дикие танцы придется мне впоследствии станцевать с поляками. Ну а поцелуи... им, как известно, учиться не надо.

Как ни прекрасны были спорт и любовь, смысла моей жизни они не составляли. Его дала мне служба на благо Кайзера.

Я был солдатом телом и душой и любил свой егерский батальон превыше всего. 75 процентов его офицерского состава, 60 процентов обер-егерей и егерей остались на полях чести. Ныне живущие товарищи будут вспоминать о своем старом батальоне с теми же чувствами.

В среде нашего лейтенантского корпуса мы были самыми верными друзьями, связанные друг с другом куда более тесными узами, нежели это было принято в других частях, что объяснялось нашей сравнительно малой общностью в противовес крупным офицерским корпусам полков. Да и с обер-егерями и егерями мы состояли в гораздо более личных отношениях, нежели то было возможно в гигантской организации армии с ее уже почти что излишне строгим служебным распоряжением. Это коренилось в самой природе особого положения, которое занимал егерский батальон. Будучи свободным от множества высших инстанций, вроде полка, бригады, дивизии, он подчинялся лишь инспектору егерей и стрелков. «Весела жизнь егеря» — звучало не

только в их парадном марше, так было и в действительности. Рвение к службе и, помимо того, веселье в не слишком скупом отмеренные свободные часы — такой была отличительная черта зеленого мундира.

Под началом комбата, известного в самых широких армейских кругах как строгий начальник, я в первый год был взят в жесткие и суровые рамки, а в школе моего давнего ротного командира, капитана фон Приттвица, был воспитан в пригодного солдата. Йохен Приттвиц, как мы его звали, или Йокель, как его боялись и любили егеря, был личностью в равной степени благородной как в своей породистой внешности, так и в своем мужественном и прямодушном характере. Всегда имея на языке шутку, возможную лишь для одного Йохена Приттвица, он часто и охотно крушил с нами, лейтенантами, кружки. Стройный и элегантный в седле, подбадривающий своих людей на плацу громким, далеко разносящимся командным голосом, он пал 22 августа 1914 года.

Если ранее я говорил о пригодном солдате, какого сделал из меня мой капитан, то это почти что ценностное суждение, могущее показаться нескромным. Но я знаю: Йохен Приттвиц оценивал меня именно так. Впрочем, мнения моих начальников обо мне разделились. Поскольку симпатии обычно взаимны, полагаю, что большинство ко мне благоволило. Поводом для жалоб служили также отнюдь не мои военные успехи — на строевых смотрах я всегда выступал хорошо — а скорее мой личный образ жизни. Я был несколько легкомыслен, страдал от хронической нехватки денег и неоплаченных счетов, переживал периоды, когда много кутил и праздновал на каждом попавшемся — а попадалось часто — празднике. Вечно настроенный на глупые проделки, я порою забывал, что я уже не кадет, а королевский прусский лейтенант.

В последний год перед войной у нас был комбат, коему мое жизнепонимание мало импонировало. Особен-

но не нравилось ему, что я содержал в казино крупный неоплаченный счет, а в конюшне — двух лошадей. В то же время в Бреслау служил весьма строгий командующий генерал, поставивший себе задачей сеять беспокойство в силезских гарнизонах. И это беспокойство передалось и нашему майору. Оно усиливалось по мере приближения дня инспекции роты, на которую генерал и назначил свой визит.

«Лейтенанты, в большинстве преступны, многое находят смешным». В сию ошибку впали и мы, и притом с самой необычной выдумкой. Дабы обратить существующее зло к благим целям, майор прикомандировал меня на день проверки с моими лошадьми к командующему генералу в качестве личного ординарца. Подобное назначение обычно означает отличие. Вместо того чтобы выставлять свои военные таланты перед строгим взором высокого знатока, ты едешь рядом с ним и, так сказать, проводишь инспекцию вместе с ним.

Меня и поздравили в казино другие лейтенанты с завистью. Это был повод для праздника. К несчастью, в наступившем праздничном настроении мне пришла в голову мысль явиться на действие в самом парадном виде. Дабы достойно встретить Его Превосходительство, я вознамерился посадить на свою вторую лошадь, оседланную в ее лучшей парадной сбруе, кучера одного присутствовавшего асессора. Посредством заключения пари остальные меня к сему подбили. Итак, на следующее утро я уже рысил к плацу. Рядом со мной скакал кучер Пауль в цилиндре, крагах, ботфортах, белых брюках и синем мундире с красным воротником и серебряными пуговицами. Зрелище было великолепное; ни один князь не мог бы появиться более впечатляюще.

Так увидел меня и майор, когда я за несколько минут до назначенного для инспекции времени прибыл ко входу на плац и, перейдя в галоп, понесся к выстроив-

шемуся для парада батальону. Вид мой был столь внушительен, что майор приказал войскам остановиться передо мною и отдать честь. Лишь когда я приблизился на сто метров, свернул в сторону и помчался обратно, он осознал свою ошибку. Все смеялись, включая лейтенантов. Вскоре после того появилось Его Превосходительство. Дабы спасти положение, мне надлежало во что бы то ни стало снискать его симпатии, а посему я отрекомендовался чрезвычайно громко, подтянуто и по-военному. Являются ли обе лошади моей собственностью — осведомился он, с пристальным оценивающим взглядом тут же начав осмотр с первого же объекта.

Затем, указав на почтительно снявшего свою шляпу-линдерхут и замершего прямо позади меня кучера Пауля: «А это кто?» — «Мой берейтор, Ваше Превосходительство». Это была даже и не ложь. Его Превосходительство кивнул одобрительно, доказав, что имеет чувство репрезентации. Да и весь день он пребывал в хорошем настроении, что, как говорили, случалось с ним весьма редко. То ли он нашел для майора несколько одобрительных слов о моем достойном виде, то ли уже одного факта, что он не высказал замечания, оказалось достаточно — но ожидаемый и вполне заслуженный выговор за мою наглую выходку так и не последовал.

Мне оставалось лишь порадоваться удаче, что эта, с военной точки зрения, немыслимая проделка так хорошо сошла с рук. При ином взгляде генерала она могла бы обернуться для меня весьма неприятными последствиями. Во всяком случае, подобные шутки не способствовали обретению мною благосклонности моего командира. Истинное благословение, что летом разразилась война! Если прибегать к словам нашей семейной хроники, то лучшего способа одичать подобно моим предкам-разбойникам, для меня не было.

«Война — повелительница всех вещей!» Потому-то о ней и столь трудно писать, потому-то литераторы, кои ее вовсе не изведали, должны бы держать от нее подальше свои персты.

И сам я не чувствую себя готовым к сей задаче — облечь фронтовой опыт в такую форму, дабы описание могло устоять перед взором товарищей по окопам, а посему ограничусь кратким изложением моей личной участи.

Я выступил в поход с воодушевлением. Само собою разумеется. Так поступали все, и старые, и молодые. Народ воспрянул. Но сверх того я испытывал нечто, ведомое лишь молодому кадровому офицеру, коего еще не сопровождают в поле заботы о жене и детях. То было чувство освобождающего «наконец-то», исполнения заветного желания: час испытаний.

Я находил войну прекрасной, иной, нежели я ее грезил, — прекраснее. В сущности, ныне непростительно излагать подобное, ибо для таких идеологий в теперешней Германии места нет. И все же было такое время, все молодые лейтенанты Кайзера мыслили именно так. Незабываемы уже первые три недели, когда батальон в составе 3-й кавалерийской дивизии, скрывая развертывание наших армий и разведывая неприятельское, между Лонгви и Монмеди, а под конец в Южной Бельгии, смелыми рейдами снискал первые кровавые лавры. Затем — великие битвы в рамках общего фронта, победное шествие через Маас к Марне; со смехом и песнями шли мы по вражеской земле. Пусть я и видел, как истекают кровью товарищи и гибнут друзья — переживание войны было столь грандиозно, что ничто не могло омрачить радости ремесла. Их смерть лишь прищипывала. К ней относились как к чему-то само собою разумеющемуся, она была частью нашей профессии, и лишь вопрос времени отделял нас от павших. Разумеется, случалось и грустно оглядываться на времена, канувшие в прошлое безвозвратно.

Там, где смерть собирает свою жатву, так всегда бывает. Однако куда более характерным, нежели сии воспоминания, присущим лишь нам, уникальным и оттого ценным было чувство стыда перед «оставшимися» — стыда за то, что еще жив, сомнения в себе самом: приложил ли ты все усилия, не щадя себя, как того требовал долг.

Если энтузиазм 1914 года породил переоценку всех понятий об идеальных и материальных благах, да и о ценности самой жизни, то мы, офицеры действующей армии, чувствовали себя призванными быть носителями сего восстания Духа. Мы были ими перед лицом врага и доказали свое умение. За то, что творилось в тылу, ответ перед немецким народом должны дать другие. Мы растратили самих себя, они же растратили дух 1914 года.

Почти что чрезмерное обострение нашего кастового сознания привело к тому, что мы, лейтенанты, полагали необходимым особо себя подставлять. То была бравада перед смертью, когда мы под огнем в стрелковой цепи ходили во весь рост от человека к человеку или, вопреки всем предписаниям о тыле, отказывались снять палаш с серебряных портупей. Лейтенант фон Гейсо, совсем юный, еще фенрих, когда война началась, начинал перед штурмом в Аргоннах 8 января 1915 года чешую своего кивера до парадного блеска. То был его путь к смерти. Незабываема картина длинной стрелковой цепи егерского батальона, залегшей под тяжелым огнем перед многократным превосходством, и адъютант, лейтенант граф Пфейль, мерным шагом идущий вдоль нее, дабы передать ротам приказ об отрыве от противника. Так было 21 августа 1914 года в бою у Изеля. Лишь позиционная война заставила нас отказаться от подобных кастовых привилегий.

Мне не довелось ее изведать. Незадолго до ее начала, 26 сентября около полудня, французы отстрелили мне левую руку. Произошло сие в рукопашной схватке при

штурме баррикады в самой чаще Аргоннского леса. Я еще видел, как рядом со мной закололи штыками одного из моих командиров взвода, фельдфебеля Волленцина, как получил пулю. С трех шагов она раздробила кость плеча столь основательно, что предплечье буквально болталось на одних лишь клочьях мышц. Было очень больно, особенно усилилась боль при перетягивании жгутом; сознания я не терял. Наша атака была отбита французами. Соответственно, и моя эвакуация проходила крайне тяжело, с постоянными перерывами из-за перестрелок, в кои ввязывался назойливо преследующий нас противник, вынуждая задерживаться доблестных егерей, оказывавших мне помощь. Поначалу их было мало, они, поочередно стреляя и таща меня на плащ-палатке сквозь чащу, спасли меня от плена. Вскоре к ним присоединялись другие, так что со временем вокруг меня собрался целый очаг сопротивления. Спустя часы мы достигли Римской дороги, новой позиции батальона, где французское преследование и захлебнулось. Еще часы, ожидание и транспортировка на повозке с ослом и в грузовике, наступающая ночь, полевой лазарет. Здесь первая в моей жизни инъекция морфия избавила меня от поистине нестерпимой боли. Перевязка, многочасовое пребывание в полудреме на соломенном ложе в школьном классе, стоны раненых товарищей — все они были из моего батальона, налет тяжелой артиллерии противника, ужасающий грохот. Следующее воспоминание — дальнейшая эвакуация на следующий день. Лишь год спустя в Эльсе я узнал, что в ту ночь я был засыпан тяжелым французским снарядами. Легкораненые егери откопали меня спустя три четверти часа.

В печали, что величайшее переживание — война — для меня должно было отныне завершиться, я провел затем три четверти года в Тюбингенской университетской хирургической клинике. То было тяжелое время: шесть месяцев лихорадки, заражение крови и восемь операций.

Но пути Господни неисповедимы. Ненавистное ложе, кое я в сердцах проклинал не раз, определило судьбу одного очень дорогого мне человека. Моя сестра, приехавшая в Тюбинген на несколько недель ухаживать за мной, встречала там того из моих врачей, коего я особенно уважал. Два года спустя она заключила с ним союз очень счастливого брака.

На Троицу 1916 года я вновь выступил в поле. Позади осталась зима подготовки рекрутов в запасном батальоне. Итоговая проверка молодых егерей, прошедшая особенно успешно, снискала мне благосклонность командующего генерала. Воспользовавшись милостью минуты, я повторил свою до сей поры тщетную просьбу и добился возвращения на фронт. Я был назначен адъютантом моего доброго знакомого, ротмистра барона фон Вертерна, командира колонн боеприпасов в Альпийском корпусе. Когда я прибыл к части, та была задействована в районе грандиозных битв под Верденом, на восточном берегу Мааса. Здесь-то я впервые и познакомился с великими трудами сего рода войск, кои мне, офицеру-егерю, доселе виделись лишь полутыловым формированием. Ежевечерние перевозки боеприпасов сквозь огневые и газовые завесы к позициям батарей были изнурительны и сопряжены с потерями.

Гусарский ротмистр Ганс Вертерн был для меня более чем рыцарственным командиром — он был моим добрым товарищем. И как друзья расстались мы осенью того года в перевале Ротентурм на румынской границе. Я был прикомандирован к штабу Верховного командования 9-й армии. Внимание ее гениального командующего, генерала фон Фалькенхайна, я привлек незадолго до сего несколько своеобразным образом. Вертерн, два офицера-летчика и я использовали несколько дней отдыха для хоть и безуспешной, но весьма забавной охоты на медведя в лесах Семиградья. Возвращаясь, мы решили завершить

нашу вылазку веселой попойкой в лучшей гостинице Кронштадта. В наше веселое общество попал майор кирасирского полка из ближнего окружения главнокомандующего. Ему-то я и поведал длинную историю о медведе, коего я, мол, подстрелил, — столь живо, во всех деталях, с подражанием слышному уже издалека ворчанью и яростному реву якобы пораженного мною зверя, что он с восторгом поздравил меня: «Так вы же первый, кому в нашей армии удалось подстрелить медведя! Неужели это правда?»

«Еще бы, ведь Эмиль Ничке был при том!» — заверил Эмиль Ничке из Штольпа в Задней Померании, ибо имел привычку говорить о себе лишь в третьем лице. Решающим же стало суждение другого летчика, Польди Фуггера. Он был имперским графом из Южной Германии, и это убедило майора. На следующий день я повстречал главнокомандующего на улицах города, в сопровождении начальника генерального штаба и нашего легковерного кирасира. Я видел, последний указал генералу на меня. «Ну, попался», — подумал я. И точно, Фалькенхайн подозвал меня к себе.

«Поздравляю с охотничьей удачей!»

«Что прикажете, Ваше Превосходительство?» — спросил я, изображая полное неведение.

«Как же, вы ведь медведя подстрелили».

«Не припоминаю, Ваше Превосходительство», — отрекся я с изумлением.

«Но майор фон Б. только что поведал мне о сем во всех деталях», — нетерпеливо воскликнул генерал.

«Видно, кто-то возвел на господина майора изрядную медвежью напраслину», — заметил я, качая головой.

Мгновение молчания, а затем мы все страшно расхохотались. Кроме майора, разумеется; он еще не мог выпутаться.

Как и все принадлежавшие к Верховному командованию, я тотчас же оказался под обаянием исключительной личности генерала фон Фалькенхайна. Не только ответственный главнокомандующий в смысле принятия окончательных решений, но и во всем единоличный вождь своей 9-й армии, он сочетал в себе глубокое понимание нужд и душевных движений войск с товарищеским чувством, дополнявшим его великие полководческие дарования. Ко мне лично всегда благосклонный, он за общими трапезами частенько находил для меня особо дружеское слово.

Мой непосредственный начальник, чьим первым офицером для поручений я стал, был капитан Хут, офицер связи Верховного командования сухопутных сил — человек больших дарований и сильного характера, в равной степени солдат и организатор, политически одаренный, с ясным и метким суждением, некогда кадровый офицер, затем основатель заводов «Альбатрос». Широкий по натуре, с разносторонними интересами, он, за вычетом чисто военных профи, был самой значительной личностью в штабе. Я многому у него научился и охотно на него работал. Особенно когда работа вела на фронт, я был при деле, ибо тогда Хут был в своей стихии. Да, я сопровождал его в поездках, что не ограничивались только лишь передовой. Как то путешествие на автомобиле из Германнштадта в Семиградье через едва занятую нашими войсками долину Алтул, через горный перевал мимо отступающих румынских частей, напрямик через Валахскую равнину, за Дунай, в Болгарию и обратно за 48 часов. Немедленная связь между Фалькенхайном, прорвавшим румынские горные позиции в Трансильванских Альпах, и Макензеном, форсировавшим Дунай у Свиштова со стороны Болгарии, была тем самым установлена. В другой раз мы втроем — принц Стефан Шаумбург-

Липпский был с нами — въехали в Бухарест, и именно за два часа до взятия города.

Мы видели, как производилась погрузка румынских батальонов с помощью всего городского парка трамвайных вагонов — зрелище, вероятно, единственное в своем роде — и своим внезапным появлением на автомобиле обратили эскадрон румынских гусар в беспорядочное бегство по улицам города.

Наступление остановилось на Серете. Позиционная война. Короткая весна, долгое, знойное балканское лето, да к тому же спокойный участок фронта — такую войну еще можно было вынести. И все же то было не то, чего я хотел, когда рвался из однообразия гарнизонной службы обратно на театр военных действий. Я желал быть причастным к великому действу, а чувствовал себя теперь в роли зрителя. Я опасался утратить свой фронтовой опыт. Обрести его я мог лишь там, где вырос, — в рядах эльсских егерей. Посему я просил о назначении командиром роты в мой батальон. Его Превосходительство фон Фалькенхайн был тем временем отозван на другой театр войны, его преемник отклонил мою просьбу.

Я не унылся и обратился напрямую в Верховное командование сухопутных сил, а именно к тому, кто поистине там определял ход дел, пусть его имя и стояло лишь на втором месте, — к Людендорфу. Я написал ему личное письмо, и уже две недели спустя получил ответ. Я был прикомандирован на испытательный срок на восемь недель к Резервному егерскому батальону № 6. По истечении сего срока надлежало доложить, возможно ли мое использование на фронте лишь с одной рукой.

Тем временем я заболел дизентерией, хоть и сильно, но ненадолго. Известие о моем назначении исцелило меня. С опозданием всего на несколько дней я выехал; со мною мои четверо верных из Эльса. Йозеф Филя, прозванный как Филакс, что опекал, помимо меня, своего

неразлучного друга, моего волкодава Вольфа, и Пауль Богон, любивший мою гнедую кобылу Тамару не менее, нежели Филакс — Вольфа. Мы застали наш батальон в районе Крайенбурга. Там он был сосредоточен для наступления против Италии и ожидал приказа на развертывание для атаки. Капитан Фриц фон Бланкенбург, мой давний собутыльник и товарищ прекрасных мирных лет в Эльсе, был комбатом, лейтенант Рунге, один из бесстрашных командиров штурмовых групп — его адъютантом. Командир 2-й роты, обер-лейтенант фон Липпа, еще несколько месяцев назад делил со мною письменный стол в штабе армии. Все они были самыми верными друзьями, велика была радость встречи, необходимость вживаться отпадала, повсюду старые знакомые и боевые товарищи — я был дома.

Поход против Италии был «живой водой» для солдата. Прорвавшись с Тольмейнского направления через горы, мы вторглись теми же путями, что некогда готы, прошли по его землям, привыкнув к победе, радовались его красоте, пили изобильные вина его, проводили дни в грезах под теплым южным солнцем, внимая голосу своей крови и ее неиссякаемой силе. Наследие германцев!

Лишь декабрь напомнил нам вновь морозом и льдом о нашей северной родине. Он привел нас еще раз, и именно к ожесточенным боям, на вершины итальянских Альп и потребовал кровавых жертв. Целью наших атак была Монте-Граппа. Хоть штурм егерской дивизии и исторг у противника различные высоты и пики великого горного массива, сама Граппа с ее вырубленными в скалах траншеями и кавернами оказалась мощной крепостью. Взять ее нам было не суждено. Мы истекли бы перед ней кровью, посему операция была прекращена. После морозного Рождества на голой скале в завоеванных тяжелой ценою позициях на высотах свыше 1700 метров мы были сменены в новогоднюю ночь 1918 года. За несколько

недель отдыха и подготовки на теплых южных склонах Альп мы в последний раз вдохнули полной грудью мягкий воздух, отведали сладкого вина, всю нежную красоту Италии. Затем Верховное командование призвало нас к великой решительной схватке во Францию.

И я уже не взирал на войну с улыбкой, как в 1914-м. Слишком уж изменилась война за эти три с половиной года. Ранение и госпитальная койка, неоднократное переживание собственной и чужой нужды перед лицом жестокой, пусть и лишь кажущейся, случайности смерти, все лихолетье Германии — все это, естественно, не могло пройти бесследно и для меня. А посему и я глядел на грядущие события куда более сурово. Мне, как и всем прочим, было ведомо, какую безмерную дань жертв потребует от нас наступление, в которое должна была ныне перейти скованная долгой обороной фронтовая полоса. И все же настроение было приподнятое, как уже давно не бывало.

Великая битва во Франции весной 1918-го обернулась грандиозной победой немецкого оружия. Воспоминания о 1914-м ожили. Когда наступление остановилось, наш батальон занимал позиции по обе стороны большого шоссе на Амьен, на самой западной точке всего театра военных действий. Последовали тяжкие недели, да что там — самое для меня трудное время за всю войну. Перед нами — француз с его лучшими частями и массами артиллерии на этом важнейшем для него участке фронта, непосредственно позади нас, в топких берегах — река Авр. Плацдарм с единственной тыловой связью, да и та зачастую на часы непроходима из-за вражеского артобстрела.

Приказом дивизии я был назначен командиром седнего егерского батальона № 18; тамошний комбат погиб. Здесь я не знал никого, чувствовал себя одиноким, а в такие времена это не на пользу. Лишь один был рядом, кто мне близок. Когда воздух сгущался до предела, а вражеская артиллерия не знала пощады, он подскакивал

ко мне, мой егерь Филакс. С каким-нибудь пустячным вопросом, шуткой: когда я соберусь бриться. Когда огонь стихал на четверть часа, мы выползали из своих нор, сидели вместе, сплетались в единую цепь нашими заботами и надеждами. Когда же буря взывала вновь, это каждый раз было прощанием. Я не мог смотреть ему в глаза; мне было его бесконечно жаль, хоть я и не ведал — почему.

Мною владел неопиcуемый страх — страх его потерять. Он был единственным, кому я мог открыться, а мне это было необходимо. Ибо частенько мне казалось, что я достиг предела возможного, — столь беспомощным чувствовал я себя со своей одной рукой. Это высиживание часами и днями, свернувшись ежом в какой-нибудь воронке, было для меня вдвойне тяжело.

Время ползло. И затем, слишком рано, наступил хмурый апрельский вечер. В лощине. Весь батальонный штаб собрался на тесном пространстве. Тяжелый снаряд разорвался на стволе тополя над нами. Осколки впились в землю отвесно. Последствия были ужасны. Все, кроме меня, — мертвы или ранены. Как всегда при катастрофах, когда смерть внезапно врывается в круг товарищей — многоголосый крик: «Санитары!» Лишь один голос звучал иначе: «Господин капитан, господин капитан!» Это был Филакс! Страх увидеть его изуродованное тело сковал меня, не знаю, как надолго. Когда я подскочил, его уже отнесли в сторону. Осколки в груди, спине и колене. Я сразу понял — смерть. И вдруг я осознал свою жалость. Уже несколько дней она метила его.

Морфий — вот все, что оставалось сделать. Я позвал врача, но тот был сам ранен. Когда он все же пришел, я грубо обошелся с ним. Я должен был так поступить, иначе разрыдался бы. Рукопожатие, прощай, товарищ, — и затем унесли друга, навсегда. Последние дни до нашей смены были мучительны; я слишком уж привязался к этому красивому, белокрысому пареньку.

Первые осенние ветры повеяли над полями сражений Франции. Год великих свершений остался позади с тех пор, как я с моими четырьмя верными отправился на ратную потеху в Италию. И вновь созрело решение вернуться на фронт. Но на сей раз манили отнюдь не нехоженные уголья для веселой охоты, как тогда. О нет, я уже не был тем лихим охотником, и с легким «Хорридо» и «Гусаса» на устах, как в тот великий рейд в Италию, на сей раз было не совладать.

Три месяца назад я покинул войска, будучи в конце июня переведен в штаб 2-й армии. Я мог лишь благодарить судьбу, ибо она привела меня в обстоятельства, лучше каковых и не пожелаешь. Моя деятельность как первого офицера для поручений, интересная и поучительная, давала мне непосредственное понимание всех оперативных мер армейского командования. Первый офицер генерального штаба и, можно сказать, влиятельнейшая личность оперативного отдела, к которому я был причислен, приходился мне дядей. В его прекрасном поместье Вустерханзе в Померании я провел в мирное время радостные летние недели. Теперь же я научился почитать его и как начальника. Когда в начале августа на нашем участке фронта вновь разгорелись гранд-баталия, Верховное командование сухопутных сил направило для разгрузки оперативного отдела, денно и ночно погруженного в работу, молодого офицера генерального штаба; случай распорядился так, что им оказался мой брат. Так мы, трое одной фамилии, собрались вокруг главнокомандующего, его превосходительства фон дер Марвица. Сам уроженец Померании и помещик в округе Кеслин, генерал был связан с нами многими общими узами. Мне не составило труда снискать его благосклонность. В собравшемся вокруг него штабе царил прекрасный товарищеский дух, исходивший от величественной натуры этого благородного человека. Мы все восхищались его храбростью и упованием на Бога, с коими он вел

свою армию через эту последнюю долгую бурю, начавшуюся 8 августа глобальную бойню. В тот день противник, используя свои превосходные тыловые коммуникации и пользуясь непроглядной туманной погодой, смял позиции нашей армии массами танков.

Прорвать немецкий фронт ему не удалось. Железная энергия Людендорфа воспрепятствовала сему. С тех пор минуло два месяца, а буря все не утихала, усиливалась, держала, в конечном счете, весь Западный фронт от моря до Мозеля в напряжении. Всю позднюю осень она бушевала с невиданной силой. Непрерывно, в вечно неизменном ритме, она вторгалась изо дня в день в водоворот нашей работы, в череду обрушивающихся донесений, в изменчивые картины постоянно меняющихся ситуаций.

Я регистрировал ее во всех фазах и проявлениях. То была моя задача как первого офицера для поручений. В качестве такового я должен был поддерживать связь с фронтом. Так я оставался в тесной связи с войсками, переживал почти ежечасно детали и ход событий, видел, как они формируются в грандиозное по масштабам действо.

Первые утренние сводки, кои я собирал по телефону для передачи в Верховное командование сухопутных сил, возвещали о кровавых днях. Частые поездки в качестве сопровождающего главнокомандующего приводили к непосредственному впечатлению на передовой. Передача последних приказов в ночной ад держала меня в плену даже во сне. Тогда сквозь мои сны частенько проходили усталые, изможденные фигуры товарищей. С взглядом, почти укоризненным, как мне казалось, смотрели они на меня, с вопросом: а где же ты? Тогда я подал рапорт о направлении на фронт.

Не ведаю, что влекло меня туда. Быть может, восхищение; быть может, я завидовал товарищам в величии духа их самоотверженности. Была ли то лишь жажда в последний раз приобщиться к великой войне перед ее концом или бегство от жалких известий из тыла? Возмож-

но, мною двигало осознание: то — конечная борьба за бытие или небытие, ныне решается судьба Германии, и каждый, сколько-нибудь способный носить оружие, должен принадлежать сражающимся войскам. Что ни толкало меня — героические ли то были побуждения или примитивные, — я тогда не размышлял о сем, а просто пошел.

Решение созревало постепенно, исполнение же его свершилось внезапно. На участке нашей армии была задействована 2-я велосипедная пехотная бригада. Шесть велосипедных егерских батальонов, всего две недели назад отдохнувших и переброшенных из Финляндии на Западный фронт, многочисленные и необстрелянные — войска высшей боевой ценности. В одном из первых боев на новом театре военных действий пал командир одного из егерских батальонов. При приеме вечерних донесений я вскоре узнал эту новость. Я велел соединить себя с командиром бригады, полковником Тюммелем, и напомнил ему старое обещание, данное им мне три четверти года назад в Италии. Там он командовал егерским полком, а я во время боев за массив Монте-Граппа был командиром одного из подчиненных ему егерских батальонов. Вскоре после этого полковник Тюммель был отозван командиром велосипедной бригады на остров Эзель. Прощаясь с нами, он спросил, не желал бы я последовать за ним туда. Если освободится батальон, он тогда запросит меня в качестве командира. Ныне же я напомнил ему об этих словах — и успешно. Уже на следующий день я был назначен вместо павшего командира командиром 7-го велосипедного егерского батальона.

15 октября я прибыл к своим новым войскам. Они состояли в армейском резерве и располагались примерно в 15 км позади линии фронта, в Ле-Кенуа. Обстоятельство, коему я был рад, ибо оно давало мне возможность завязать личные отношения с подчиненными. В тот же день я посетил всех обер-егерей и егерей шести велосипедных рот, как и моторизованной пулеметной роты, на их квар-

тирах. Я тогда перекинулся словом с каждым отдельным человеком и вынес гордое впечатление, что поставлен во главе войск, со священной серьезностью готовых пронести судьбоносную борьбу Отечества до последнего человека. Так был уготован путь доверия. Уже на следующий день нам предстояло ступить на него вместе.

Ранним утром, в 8 часов, тревога! Англичане значительными силами в первые утренние часы прорвались через канал Солесм и вклинились в наш фронт у Осси. Линии противника образовывали полукруг шириною более дивизии, вдаваясь на восток в немецкие позиции. Батальон получил приказ контратакой с юга отбросить противника за канал, в то время как с севера против места прорыва была брошена пехотная дивизия.

Уже к полудню мобильные части были собраны в непосредственной близости за линией фронта. Здесь, в зоне видимости противника, велосипеды были погружены на грузовики. Выдача провианта, затем дальнейший марш на исходные позиции. Приблизительно в половину первого батальон был готов к атаке. Наша артиллерия вела непрерывный, но умеренный огонь по Осси. Непосредственная артиллерийская подготовка предусмотрена не была.

В 2 часа батальон перешел в атаку. Три роты в первой линии, две роты во второй, за центром — одна рота в резерве; все в сомкнутом строю. Я шел с самой передовой волной. Холмистая, в остальном же открытая местность, находившаяся под постепенно усиливающимся артиллерийским огнем, вела к нашей передовой линии. Когда мы пересекли ее, по рядам пехотинцев прошел гул, полуизумленный, полуодобрительный: «Черт возьми, а егеря-то еще идут вперед!» Это придавало сил. И тут — отдельные выкрики нам вслед: «Штрейкбрехеры!» Я не поверил своим ушам, был словно поражен ударом, ибо то была измена! След марксистского растления тыла или яд вражеской пропаганды? Я хотел броситься назад и пристрелить негодяя. Но атака катилась дальше, а я вместе с ней.

«Противогазы наружу!» Еще около километра нам пришлось пройти, а затем мы миновали заграждение. Вспышки одиночных винтовочных выстрелов. Сырая погода, врага не видно. Гряда высот, сильный ружейно-пулеметный огонь. В 150 метрах перед нами — деревня. Я остался стоять на высоте, видел, как длинный фронт моего батальона перемахнул через гребень, ринулся еще на 50 метров вперед, затем залег. Разделенные лишь сотней шагов, линии вгрызаются друг в друга в огневом бою. Превосходя передовые роты, с гряды высот в бой вступает вторая волна. Резервная рота спешит вперед марш-маршем. Я направляю ее за крайний правый фланг, там, у выдающегося вперед кладбища, мы ближе всего к противнику. Когда их сомкнутая цепь становится видна на гребне, поднимается — словно притянутая одновременно одним магнитом — весь батальон во всех своих частях, от фланга до фланга, и устремляется в атаку — величественная картина сражения — с далеко разносящимся «Ура!» на вражеские позиции, исчезает в Осси, проносится через деревню, достигает канала. Сотнями пленных отмечен наш успех.

Спустя несколько минут со всех сторон завывает. Деревня лежит под сокрушительным огнем всей вражеской артиллерии. Я ориентируюсь. Донесения рот дополняют картину. Атака немецкой дивизии, наступавшей с севера, провалилась. В тылу нашего правого фланга и оттуда на север англичане находятся в захваченных утром позициях по эту сторону канала. Невозможное положение. К тому же остался всего час светлого времени. Мы вынуждены действовать по собственному решению. Соевещание с командирами рот; часто мы едва могли понять друг друга из-за рвущихся кругом тяжелых снарядов. Результат: добровольная вторая атака, для которой я отвожу три роты с фронта.

Одержанная победа, незначительные потери, быстрота операции — их настроение превосходно! С наступ-

лением темноты они идут вперед, в ходе штурмовой атаки захватывают вражеские позиции в тылу и с фланга, взламывают их, уничтожают, берут новых пленных, гонят «томми» перед собой, вышибают их на другой берег, достигают канала. Когда ночь опускается на поле боя, вся позиция вновь в немецких руках. Сообщение Верховного командования от 18 октября 1918 года: «На участке Селлы противник вклинился в наши линии у Осси. Велосипедные батальоны контратакой отбросили врага и вновь заняли прежние позиции». Так мы, фронтовые солдаты, до последнего дня войны исполняли наш само собою разумеющийся долг.

В то же время в Берлине разыгрывались те грандиозные парламентские баталии, недельные битвы речей и переговоров, затмившие все доселе бывавшее. В конечном счете, стоявшим за эрцбергеровской мирной резолюцией черно-красно-золотым партиям удалось воспрепятствовать «легкомысленным» устремлениям «преступного милитаризма», желавшего через восстание немецкого народа укрепить сопротивляемость фронта и тем самым заложить основу для приемлемого мира.

Оценка этой черно-красно-золотой победы, приведшей к краху Германии, проигрышу войны и позорному миру в Версале, различна. Шейдеман, одна из самых ярких фигур среди всех тыловых воителей, восхвалял ее со ступеней Рейхстага и перед монументом своего предшественника на посту рейхсканцлера, «некоего Бисмарка», словами: «Немецкий народ одержал победу на всем фронте». Иначе наши враги! Они выковали словесно кинжальный удар в спину немецкой армии.